

УДК 821.161.1-31(Булгаков М. А.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-78-88.

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8.444.

ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 5.9.1

К ПРОТОТИПАМ И ЖАНРОВЫМ ФОРМАМ ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»**Колчанов В. В.**

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

SPIN-код: 2742-3603

А н н о т а ц и я . Статья посвящена анализу художественных образов повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» (В. И. Персикова, П. С. Иванова, Гринмута) и смеховым жанровым формам их выражения – роману-фельетону и мистерии-буфф.

В исследовании используются биографический, историко-культурный, мифопоэтический и структурный методы, позволяющие добавить к найденным в булгаковедении чертам сходства Персикова с В. И. Лениным новые штрихи, помогающие обнаружить в приват-доценте Иванове прототип Л. Д. Троцкого, в студенте-помощнике Гринмуте – прототип основателя Русской монархической партии В. А. Грингмута. Основное внимание уделяется Иванову / Троцкому. Определение роли прототипа в гротескном мире булгаковской ленинианы опровергает попытку исследователей отождествить Троцкого с Рокком. Введение Грингмута в подтекст объясняется историософскими взглядами М. А. Булгакова.

Впервые устанавливаются жанровая принадлежность произведения и условность отнесения его автором к жанру повести. Доказывается, что в 1920-е гг. в модифицированном виде продолжил свое существование роман-фельетон, и писатель не преминул воспользоваться этой жанровой формой. Он перенес прототипы как предмет сатиры, «большую политику» (классовую, политическую и внутрипартийную борьбу) как ее объект в атмосферу бульварного, газетно-журнального чтения с его бурлеском, авантюрой, фантастической, приключенческой интригой, интересом к тайнам следствия. Поэтика модернизированного романа-фельетона позволила художнику не только высмеять политических лидеров, но и в целях собственной безопасности в меру скрыть истинные лица виновников социально-экономической трагедии в стране. Этому способствовало вовлечение в структуру романа-фельетона элементов эстрадно-театральной формы мистерии-буфф. В сценической раме мистерии-буфф Троцкий предстает одновременно и как жрец, инициирующий неопыта Ленина в ад, и как работник, входящий в клоунскую пару. Шутовской катабасис усиливает карикатурность в изображении персонажей. Статья предлагает историкам и теоретикам литературы по-новому взглянуть на художественное мастерство М. А. Булгакова.

Ключевые слова: русская литература; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; повести; литературные сюжеты; литературные образы; булгаковедение; М. А. Булгаков; прототипы; художественные формы; В. И. Ленин; Л. Д. Троцкий; В. А. Грингмут; роман-фельетон; мистерия-буфф

Для цитирования: Колчанов, В. В. К прототипам и жанровым формам повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» / В. В. Колчанов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 78–88. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-78-88.

ON THE PROTOTYPES AND GENRE FORMS OF M. A. BULGAKOV'S NOVELLA "THE FATAL EGGS"**Vladimir V. Kolchanov**

Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Abstract. The article analyzes the artistic images of M. A. Bulgakov's novella "The Fatal Eggs" (V. I. Persikov, P. S. Ivanov, Grinmut) and the humorous genre forms of their expression – a novel-feuilleton and a mystery-bouffe.

The study uses biographical, historico-cultural, mythopoetic and structural methods. These methods allow adding new strokes to the features of similarity between Persikov and V. I. Lenin found in Bulgakov studies, help to discover the prototype of L. D. Trotsky in privat-docent Ivanov, and the prototype of the founder of the Russian Monarchist Party V. A. Gringmut in student assistant Grinmut. The main attention is paid to Ivanov / Trotsky. Identifying the role of the prototype in the grotesque world of Bulgakov's Leniniana refutes the attempt of researchers to identify Trotsky with Rokk. Gringmut's introduction into the subtext is explained by Bulgakov's historiosophical views.

For the first time, the article establishes the genre attribution of the work and notes the conventionality of its classification as novella by the author. It is argued that in the 1920s, the novel-feuilleton continued to exist in a modified form, and the writer did not fail to take advantage of this genre form. He transferred the prototypes as a subject of satire and the "big politics" (class, political and intra-party struggle) as its object into the atmosphere of tabloid, newspaper-magazine fiction with its burlesque, adventurous, fantastic, thriller plot, and interest in the participants of secret investigation. The poetics of the modernized novel-feuilleton allowed the writer not only to ridicule political leaders, but also, for his own safety, to a certain extent hide the true faces of the culprits of the socio-economic tragedy in the country. This was facilitated by the inclusion of elements of the satirical theatrical form of mystery-bouffe into the structure of the novel-feuilleton. In the scenic frame of the mystery-bouffe, Trotsky appears simultaneously as a priest initiating the neophyte Lenin into hell and as a worker who makes part of a clown couple. The buffoonish katabasis enhances the caricature in the depiction of the characters.

The article invites historians and literary theorists to take a new look at Bulgakov's artistic mastery.

Keywords: Russian literature; Russian writers; literary creative activity; literary genres; novellas; literary plots; literary images; Bulgakov studies; M. A. Bulgakov; prototypes; artistic forms; V. I. Lenin; L. D. Trotsky; V. A. Gringmut; novel-feuilleton; mystery-bouffe

For citation: Kolchanov, V. V. (2025). On the Prototypes and Genre Forms of M. A. Bulgakov's Novella "The Fatal Eggs". In *Philological Class*. Vol. 30. No. 3, pp. 78–88. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-78-88.

Введение

Сатирическая повесть М. А. Булгакова «Роковые яйца» содержит «сатирическую правду» о социально-экономической жизни страны, является энциклопедией политических событий, запечатленных вех истории. В последнее время поиск исторического подтекста не ослабевает. Особый интерес представляют прототипы персонажей. Одни до сих пор не полностью изучены [Соколов 2005, 2023; Александрова, 2022; Пчелов 2022], другие не обнаружены.

Писатель создал образы не просто собираемые, он в иносказательной манере насытил сюжет влиятельными политическими фигурами первой четверти XX в. Среди них можно выделить В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого и В. А. Грингмута.

По мере движения произведения «сквозь время» любопытны и причины популярности, скрывающиеся в жанровой организации. Предполагаем, что, помимо жанра научной фантастики, достаточно описанного в литературоведении, писатель использует компоненты двух смеховых жанровых форм – романа-фельетона и мистерии-буфф. Они усиливают струю политической и социальной сатиры, помогают ярче высветить обличительную стихию. Анализ художественных образов избранных прототипов в структуре таких форм стал целью исследования.

Результаты исследования

В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, В. А. Грингмут. О прототипе Персикова Ленине в булгаковедении накопился интересный и богатый материал. На схожесть литературного образа с вождем мирового пролетариата обратили внимание сразу после публикации повести, что зафиксировали российские булгаковеды в 1990–2000 гг. [Яблоков 1997: 12, 44–45; Соколов 2005: 613–615], и исследования последних лет, посвященные систематизации и анализу накопленного опыта о прототипе [Александрова 2022; Соколов 2023], – логичное продолжение незавершенного. Предпринималась попытка разыскать на страницах произведения Троцкого, сравнивая его биографию с жизнеописанием директора совхоза Рокка [Соколов 2005: 614]; но попытка эта страдала неубедительными доводами: совпадения выходили за временные рамки публикации повести. В связи с этим основное внимание сосредоточим на ассистентах Персикова приват-доценте Иванове и студенте Грингмуте. Первый помощник, тесно связанный с Персиковым с начала сюжета, обладает большим количеством черт Троцкого, второй придает образам революционных лидеров историософский характер.

Иванов в повести имеет самую распространенную фамилию; безукоризненно исполнительный, с внешностью «изящнейшего джентльмена

сострой белокурой бородкой» [Булгаков 1989: 47]¹, скромного поведения, услужливый, вежливый, тактичный, интеллигентный – именно эти детали внешности и качества характера не позволяют читателю увидеть в Петре Степановиче карикатуру на Троцкого. Однако биографический и историко-культурный методы доказывают обратное: оценки современников, близко знавших политика или сочувствующих ему, говорят об интеллигентности его натуры; другие художественные детали в повести и научные опыты «приват-доцента» прямо или косвенно указывают на военно-политического руководителя, непосредственно втянувшего страну в горнило Гражданской войны.

Так, интеллигентность и «европеизм» признавал, вслед за Лениным, противник Троцкого по партии Л. Б. Каменев [Л. Д. Троцкий: pro et contra 2016: 456, 461]. Другой член «триумвирата» (Зиновьев – Каменев – Сталин) Г. Е. Зиновьев противопоставлял Ленину как «классическому типу пролетарского революционера» Троцкого как «“классический” тип интеллигентского революционера», а его «теорию “перманентной революции”» видел «не чем иным, как надуманной интеллигентской схемой» [Там же: 510, 516]. Примкнувший к Сталину в годы размежевания партии большевиков после смерти Ленина В. М. Молотов упрекал Троцкого в «роскоши интеллигента-революционера», присущей меньшевистскому «интеллигенту-марксисту, как одиночке-революционеру» [Там же: 559]. А. И. Солженицын в романе-эпопее «Красное колесо» указывал на личное обаяние Троцкого, его воспитанность и незаурядность: «В нем было-таки что-то обольстительное, притягательное, невольно хотелось согласиться с ним, поддаться ему. <...> это был вполне понятный, интеллигентный человек, притом незаурядно острый, очень интересно с ним говорить» [Там же: 747].

Об исключительной интеллигентности наркомы высказывался «чудом выживший русский оппозиционер» [Крайзель 2001: 8], сторонник его идей И. М. Хорошев (1904–1991) (псевд. И. М. Павлов, М. И. Нильский) и близко общавшийся с ним сын народовольца, известный художник Ю. П. Анненков. Первый охарактеризовал Троцкого как человека «богато одаренного, высококультурного, владеющего несколькими иностранными языками, с безукоризненными манерами европейца» [Л. Д. Троцкий: pro et contra 2016: 196], второй назвал «интеллигентом в полном смысле этого слова» [Там же: 219].

Имя и отчество Персикова – Владимир Ипатьевич – отсылает к известному химику Владимиру Николаевичу Ипатьеву [Пчелов 2022: 178], основателю научной отрасли гетерогенного катализа. Великий русский химик не имел бы к прототипу Иванова Троцкому отношения, если бы не один исторический факт. Не уехав за границу и посту-

¹ В дальнейшем ссылки приводятся по этому изданию с указанием в скобках страницы.

пив на службу к большевикам в качестве «главы советской химической промышленности», В. Н. Ипатьев предложил создать Добровольное общество друзей химической обороны и химической промышленности, или сокращенно ДОБРОХИМ. Идея оказалась мощную поддержку Л. Д. Троцкий, причем он стал не только председателем президиума общества, но и, по некоторым источникам, добавил к аббревиатуре приставку «ДОБРО-»¹. 19 мая 1924 г., выступая с речью на собрании общества «за химизацию общественного мнения масс», он заявил:

*«Мы хотим создать газовую ограду, в которой будет строиться новое общество. Если кто и имеет право на жестокость, то это мы... У нас химия и авиация будут сочетаться с добротой не в силу нашего советского словосложения, а по самому существу»*² [Там же].

ДОБРОХИМ просуществовал недолго, чуть более года. 17 июня 1925 г. был подписан Женевский «Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов», 2 декабря 1927 г. к Протоколу официально присоединился СССР, поэтому уже летом 1925 г. необходимость в существовании гигантской противохимической организации ставилась под сомнение.

Впервые публикуя в мае-июне 1925 г. в номерах ленинградского журнала «Красная Панорама» повесть, М. Булгаков мог предусмотреть решение советского правительства о запрете химического оружия. Однако в описании фантастических событий, случившихся в 1928 году, активное использование газов оставил. Повинуясь совершенно иной, художественной логике, выходящей в сферу лейтмотивов и сатирических жанровых форм, газовая война при отражении похода гадов на Москву приняла театральную-площадную, карнавальную-буффонадный характер:

«Где-то пели весело и разухабисто, и с коней смотрели в зыбком рекламном свете лица в заломленных малиновых шапках. То и дело, прерывая шеренги конных с открытыми лицами, шли на конях же странные фигуры, в странных чадрах, с отводными за спину трубками и с баллонами на ремнях за спиной. За ними ползли громадные цистерны-автомобили, с длиннейшими рукавами и шлангами, точно на пожарных повозках, и тяжелые, раздавливающие торцы, наглухо закрытые и светящиеся узенькими бойницами танки на гусеничных лапах. Прерывались шеренги конных и шли автомобили, зашитые наглухо в серую броню, с теми же трубками, торчащими наружу, и белыми нарисованными черепами на бочках с надписью “газ”, “Доброхим”» (110–111).

Прошел и первый химический бой:

«Сообщалось, что эскадрилья аэропланов под Вязьмою действовала весьма удачно, залив газом почти весь уезд, но что жертвы человеческие в этих пространствах неисчислимы из-за того, что население, вместо того, чтобы покидать уезды в порядке правильной эвакуации, благодаря панике металось разрозненными группами на свой страх и риск, кидаясь куда глаза глядят» (111–112).

Грандиозная картина с действиями «Доброхи-ма» была вставлена в рамки буффонады не случайно. Во-первых, ДОБРОХИМ стал выглядеть в новых условиях и методах ведения войн крайне опасной военной структурой, применяющей оружие массового поражения, приводящей к «неисчислимым» «человеческим жертвам» среди мирного населения. Во-вторых, с упразднением ДОБРОХИМа заканчивалась и деятельность Троцкого на руководящих постах в СССР, и его фигура становилась также крайне опасной.

В повести она приобретает зловещее выражение. В противовес работе Рокка в экспериментальном совхозе по выведению цыплят, имеющей благие намерения – «возродить» «курководство в республике», ретивость Иванова в лаборатории Персикова по испытанию газов «Доброхи-ма» на жабах вызывает негативное толкование:

«– Ну вот-с... Вы, стало быть, я и кого-нибудь из студентов можно назвать. Дадим ему третий шлем.

– Гринмута можно. <...> – Придется уж не поспать одну ночь, – продолжал Персиков, – только вот что, Петр Степанович, вы проверьте газ, а то черт их знает, эти доброхимы ихние. Пришлют какую-нибудь гадость.

– Нет, нет, – и Иванов замахал руками, – вчера я уже пробовал. Нужно отдать им справедливость, Владимир Ипатьевич, превосходный газ.

– Вы на ком пробовали?

– На обыкновенных жабах. Пустишь струйку – мгновенно умирают» (90).

Насколько зловещей выглядит здесь карикатура на Троцкого, можно судить по третьему участнику опытов – студенту Гринмуту. В основе создания образа Гринмута лежит прием парадокса. Восстановление опущенной согласной «г» показывает нам еще один прототип – основателя Русской монархической партии, самого радикального лидера в борьбе против парламентаризма в царской России, рьяного руководителя черносотенного движения и автора работы «Руководство черносотенца-монархиста» Владимира Андреевича Гринмута (1851–1907). План Иванова по введению Гринмута в секретный проект исследования (действие газов «Доброхи-ма» на цитоплазму клетки) имеет важное значение. Автор повести прибег к мифу об исторических злодеях, мракобесах и узурпаторах, удушающих в России все передовое и светлое. Синоним разгула реакции, обскурантизма, погромов инакомыслящих (социалистов-революционеров, конституционных демократов, анархистов, евреев), Гринмут по отношению к «диктатуре пролетариата», провозгласившей культ государственного насилия, и одновременно в сатирическом амплуа повести выглядит лишь «хорошим студентом».

Имелись и другие причины ввести в число экспериментаторов Гринмута. Во-первых, исторический Гринмут узко видел причины революционных настроений в обществе. Он был утопистом, считал главным виновником в разрастании революции 1905 г. столичное чиновничество, бюрократическую машину царской России и хотел путем реформирования и увеличения доли духовного-

¹ Недолгая слава ДОБРОХИМа. URL: http://little-histories.org/2016/05/19dobrokhim_card/ (дата обращения: 11.12.2024).

² Там же.

церковного просвещения вернуть в умы русского народа идею абсолютной монархии и улучшить монархическое правление. Идея о виновнике несчастий легла в основу фабулы «Роковых яиц». Новый, советский, чиновничье-бюрократический аппарат, еще более страшный и огромный, «в составе наркомздрава, наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи-Поросюка, профессоров Персикова и Португалова... и товарища Рабиновича!..» (75) превращал научное открытие в национальную катастрофу.

Во-вторых, исторический Гринмут, как персонажи Персиков и Иванов, отличался пристрастием к науке (был членом-корреспондентом Московского археологического общества), театру и сочинительству. В последнем его фельетоне «Блокнот профессора Баррикадова» (1907) главный персонаж, профессор Московского университета, имеет сходство с Персиковым. В финале произведений оба героя погибают.

В-третьих, дополнительной, окказиональной причиной для включения Гринмута в группу Персикова / Иванова могла послужить девичья фамилия жены исторического Гринмута Любови Дмитриевны – Змеева.

Существует еще фрагмент (глава X), позволяющий предположить, что под личиной Иванова выведен «злодей» Троцкий, узурпировавший власть в стране во время болезни вождя, изолирующий его и дожидаящийся медленной, мучительной и страшной кончины. Содержание фрагмента вполне отвечало начавшим складываться под сталинским давлением представлениям о Троцком как о «главаре» «оголтелой банды вредителей, шпионов и убийц» [Волкогонов 2017: 9]. Нарезанная бумага для заклейки дверей, снаряжение и оружие «Доброхима» в кабинете профессора – аллегория подготовки к такой изоляции и кончине:

«В кабинете у него было все готово для каких-то таинственных и опаснейших опытов, лежала полосами нарезанная бумага для заклейки дверей, лежали водолазные шлемы с отводными трубками и несколько баллонов, блестящих как ртуть, с этикеткою “Доброхим”, “не прикасаться” и рисунком черепа со скрещенными костями» (105).

На медленную, мучительную смерть Ленина во время его изоляции и лечения в Горках намекают части этого сложного тропа. Блеск баллонов сравнивается с блеском ртути («как ртуть») и ассоциируется с ядовитыми лекарствами. Ввиду неустановленности основной причины заболевания и подозрения на нейросифилис врачи лечили пациента противосифилисными «препаратами арсенобензолного ряда, препаратами ртути, висмута и йода» [Новоселов 2024: 76; Гусляров 2004: 413–415], а «рисунок черепа со скрещенными костями» в качестве этикетки переносит внимание к более радикальному средству отравления. Так помечают пузырьки с капсулами цианистого калия. Известно, что тяжело болеющий в Горках Ленин неоднократно просил приближенных об оказании ему услуги – отравления этим ядом [Гусляров 2004: 430–438].

Не исключено, что цианистый калий (как самый дешевый препарат из группы цианидов) использовался и в газах ДОБРОХИМа: соли синильной кислоты широко применяются в сельском хозяйстве, – их токсические составы помогают бороться с насекомыми и вредителями¹. Опыты с химикатами ДОБРОХИМа ставились на хлебных просторах страны, воспевались в стихах-агитках 1924–1925 гг., а на крестьянских календарях распространялись изображения Троцкого. Роковым образом его облик стал ассоциироваться с ядами, несмотря на то, что начиная с 1927 г. такие календари стали исчезать из обихода из-за боязни их хозяев быть уличенными в связях с троцкистами².

В тексте главы X есть событие, также указывающее на Троцкого. До Персикова не доходят «слух о змеях» и «странная выкрикнутая телеграмма в вечерней газете»; причиной тому является отсутствие в институте Иванова. Он отлучается на три часа в «художественный театр» на спектакль «Федор Иоаннович», и новости профессор узнает только на следующий день. Важность такой аллюзии в том, что трагедия А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» была не просто визитной карточкой МХАТа, в котором Булгаков работал режиссером. Она содержит указание на соперничество двух боярских партий, возглавляемых И. П. Шуйским и Б. Ф. Годуновым, пытающихся влиять на слабовольного сына Ивана Грозного. В рамках реалий 1920-х гг. пьеса, таким образом, отражала борьбу за наследие умирающего вождя двух внутрипартийных группировок, складывающихся вокруг Троцкого и Сталина. Учиться такой борьбе, в пародийном плане, вероятно, и выезжал в театр Иванов, прототипом которого стал бывший меньшевик и создатель теории перманентной революции. В эпоху Гражданской войны, практически на весь период болезни Ленина, строительством армии нового образца Троцкий безмерно укрепил влияние на вождя, став, по существу, главой государства, что не уберегло его в мирные годы от поражения и жестокой расправы.

На причастность личности Троцкого к образу Иванова указывают обстоятельства смерти Персикова. Во время убийства Персикова ассистента, в отличие от других членов ближайшего окружения профессора, гибнущих вместе с ним, в институте не оказывается. В историческом контексте то же случилось и с Троцким в период смерти и похорон вождя. Незадолго до кончины лидер государства уехал отдыхать на Кавказ и при известии о смерти Ленина не вернулся.

С учетом вышесказанного любопытно отметить деталь одевания Иванова в момент приглашения Персикова на опыт с лягушкой: «дверь приоткрылась, показалась остренькая бородка, кожаный нагрудник» (49). Дело в том, что Троцкий не только любил форсить – носить модные и экстравагант-

¹ Цианиды медь, калий, натрий. URL: <http://www.uventa-spb.ru/production.php?raz=7> (дата обращения: 12.01.2025).

² Недолгая слава ДОБРОХИМа. URL: http://little-histories.org/2016/05/19dobrokhim_card/ (дата обращения: 11.12.2024).

ные вещи, щегольскую бородку, но и позировать [Л. Д. Троцкий: pro et contra 2016: 22–23, 26, 35]. Ярче всего любовь председателя Реввоенсовета Республики к позе и эпатажу просматривается на большом, размером в «12 квадратных аршин», живописном портрете, заказанном им известному художнику-иллюстратору Ю. П. Анненкову и написанном с натуры. По воспоминаниям живописца, Троцкий переодевался «раз по три в неделю» в «наряд революции» на протяжении первой половины 1923 г. – и «позировал, сидя в кресле, поставленном на столе» [Анненков 1991: 301]. Летом 1924 г. портрет «был отправлен в Италию на венецианскую международную художественную выставку, устраиваемую там каждые два года (“Biennale”) <...> В том же году этот портрет был воспроизведен и в Москве, в книге “Советская Культура” (изд. “Известий ЦИК СССР и ВЦИК”) [Там же: 308]. После возвращения в СССР шедевр таинственно исчез, но его фотография и фотография натурщика с художником сохранились.

На картине Троцкий изображен самым собирательно-«угрожающим» [Анненков 1991: 299] и эклектично-революционным образом, в стиле плакатно-книжной репродукции и картин конструктивистов: с острой бородкой на фоне сражения, в кожаной фуражке с автомобильными очками над козырьком, в кожаных перчатках с обшлагами, кожаных бриджах, сапогах и плаще с ремнем, с перекрещивающимися на груди португальскими для кобуры и планшета. Возможно, портрет предназначался и для тиражирования в органах массовой печати, так как антураж соответствовал образу пламенной стихии революции и Гражданской войны. Но для М. Булгакова, бывшего офицера Белой армии, главной деталью полотна, видимо, явилось наличие у непромокаемого пальто «клапана и большого кармана по середине груди (такой обычно украшал зимние шинели русских офицеров)»¹, чем он и не преминул маркировать наркомвоенмора.

Наконец, увидеть Троцкого помогает наличие в повести одного из модернистских «принципов организации повествования» – «лейтмотивности, художественного принципа “рифмовки” образов» [Голубков 2009: 70]. Вероятно, с аллегорической аллюзией на homo patiens (лат.: «человека страдающего»), «маленького человека» русской классической литературы, призванного переплавиться в топке революционной стихии, «рифмовке» подвергаются различные виды страданий маленьких и безобидных представителей фауны: жаб, лягушек, саламандр, ужей, ворон. Их ловят, заключают в террариумы, морят голодом, ставят над ними опыты, подвергая физическим пыткам, травят эфиром, цианистым калием и газом, облучают, стреляют. Два последних действия в повести срифмованы еще и местом происхождения истребляемых – рекой Клязьмой. Персики и сторож Панкрат добы-

вают там жаб (47), Иванов с «одним генералом» стреляют из «электрического револьвера» ворон (90).

Если посмотреть через аллегорию на историческую реальность, то можно заметить совпадение ареала обитания истребляемых с географией места отдыха Троцкого и Ленина. В 1918–1919 гг. В. И. Ленин по приглашению «помощника и личного секретаря» В. Д. Бонч-Бруевича отдыхал на родине другого своего соратника – И. И. Скворцова-Степанова, в усадьбе Мальце-Бродово (ныне поселок «Лесные Поляны») под Москвой [Бонч-Бруевич 1969: 391–398]. Усадьба располагалась на живописном берегу р. Клязьмы, на краю крупного станционного села Тарасовка, в районе деревни-выселки «Комаровка» (ныне СНТ «Комаровка») Мытищинской волости Московского уезда (ныне городской округ Пушкинский).

Приглашение, скорее всего, было принято не случайно. Во-первых, на расстоянии 28 км от Мальце-Бродово располагалась усадьба Алешино, родовое поместье двух братьев, Александра и Владимира Армандов, которые по очереди были мужьями любимицы Ленина Инессы Арманд. Школа, построенная для крестьянских детей по инициативе И. Арманд на средства семьи Арманд, располагалась в селе Ельдигово, в 23 км от Лесных Полян. Во-вторых, в нескольких километрах, на Клязьме, в деревеньке Черкизово, находилась дача ближайшего сподвижника Ленина Троцкого². В этих местах Ленин любил гулять и охотиться, встречаться и разговаривать с крестьянами. Причиной его окончательного отъезда стали, по воспоминаниям сестры и спутницы М. И. Ульяновой, несметные полчища комаров, которых он «совершенно не переносил» [Ленин в Москве и Подмосковье... 1980: 340]. Комары, в честь которых и назывался располагающийся рядом с Мальце-Бродово крестьянский выселок, как известно, относятся к классу насекомых, составляющих основу рациона класса земноводных («жаб») и класса птиц («ворон»). Денотаты «рифмовки» образов», таким образом, не только расширяют наши представления о прототипе Персикова Ленине, но и еще раз доказывают наличие Троцкого в тексте повести.

Повесть «Роковые яйца» как роман-фельетон и мистерия-буфф

Первую сатирическую жанровую форму помогает обнаружить структурный метод. В годы НЭП (1921–1928) возникла мода на роман-фельетон. Крупными явлениями в эпоху, когда писалась повесть, были «Трест “Д. Е.” История гибели Европы» (1923) И. Г. Эренбурга, «Месс-менд» (1924–1925) М. С. Шагинян, «Москва» (1926; 1932) А. Белого, «Гиперболоид инженера Гарина» (1927) А. Н. Толстого, «Двенадцать стульев» (1928) И. А. Ильфа и Е. П. Петрова и др.

Объем романа-фельетона не имел особого значения, хотя форма требовала сжатости ввиду использования в изданиях периодической печати.

¹ Хорошилова О. Личный модельер Троцкого // Родина. 2017. № 11 (117). С. 57–59. URL: <http://rodina-history.ru/2017/10/31/rodina-kostum-trotskij.html> (дата обращения: 12.01.2025).

² Прокуронов И. Ленин в Мальце-Бродове // Маяк (межмуниципальная газета Пушкинского района). 2016. 22 апр.

Например, роман-фельетон К. И. Чуковского «Бородуля» (1925–1926), или, по определению автора, «идиотский», «шутовской газетный роман» (с подзаголовком «кино-роман»), уступал «Роковым яйцам» по объему в полтора раза. Первое издание «романа-фельетона» В. П. Катаева «Остров Эрендорх» (1924) приближалось по объему к «(повести)» М. Булгакова.

Зато художественно-эстетическим объектом романа-фельетона объявлялась, как правило, «большая политика», построенная на борьбе мирового пролетариата и его коллективистской идеологии с русской и мировой буржуазией, пропитанной «мелкособственнической» психологией; предметом изображения становились политические враги советской власти в стране и за рубежом. Собираемые персонажи из слоев интеллигенции, бывшей аристократии, крупного зарубежного капитала, религии, политические оппортунисты и ревиизионисты, иностранные шпионы и контрбандисты являлись в произведениях махинаторами, пройдохами, заговорщиками и аферистами всех мастей. Представителей «старого мира» и опасных доктрин едко высмеивала комическая, плутовская, приключенческая, публицистическая стихия. Аллегоричности социального сюжета соответствовала фантастическая фабула, насыщенная вымышленными чрезвычайными происшествиями, кинематографическими и «театральными эффектами», повторами, рассчитанная на сильное впечатление, подстегивающая интерес читателя к сюжету. Возникло специфическое, присущее роману-фельетону свойство – «эстетика актуальности»: она включала своего рода игровое, «интерактивное соотношение» документальности и вымышленности» [Пахсарьян 2005: 253].

Композиция романа-фельетона строилась таким образом, что фабула давалась в номерах журналов, брошюрах или газетных выпусках как бы «отдельными порциями» [Пахсарьян 2005: 253]: главы или группа глав с газетными названиями, кричащими о сенсации или умопомрачительной тайне, обрывались на самом остром моменте, порой на середине главы, что приближало жанровую форму к произведениям массовой литературы и отвлекало цензуру от целостного восприятия текста.

Пространность и размытость места действия, условность времени, мистификация датировки текста позволяли глубже конспирировать политический материал и озорнее пародировать прототипы.

Иногда при выходе полного текста в альманахе, сборнике или отдельным изданием газетно-журнальный вариант перерабатывался и дополнялся.

Повесть М. Булгакова «Роковые яйца» по сатирическому охвату событий политической и общественной жизни страны, наличию большого количества действующих лиц, относящихся к типу злодеев, и массовых сцен, по саркастическому смеху и эстетическим принципам, по конструкции не уступает вышеназванным романам-фельетонам. Отвечает роману-фельетону его композиция: в журнале «Красная Панорама» повесть печаталась пятью ча-

стями (в произведении двенадцать глав) с сокращениями, с обрывом и переносами глав под названием «Луч жизни» в № 19–22; под названием «Роковые яйца» – в № 24. Сюжет имеет присущие подобным романам параллельные линии – историю открытия «красного луча» и вызванной им «катастрофы» в результате облучения змеиных яиц и историю «куриной катастрофы» в результате «куриной чумы»; причем финал второй истории остается открытым: «возродилось» ли «курководство в республике» на основе присланных из-за границы куриных яиц, неизвестно.

Образы Персикова, Иванова, Гринмута – лишь часть этих жанровых правил. Первый из них, «мировой злодей» Персиков, «распустивший гадов», действует не один, а является членом и главой тайного общества по изучению действия ядов на цитоплазму клетки. Помимо ближайших помощников (Иванов, Гринмут, Марья Степановна, Панкрат) и ученых коллег (Португалов, Борнгарт), к нему стекаются странные и подозрительные личности, иностранные шпионы и авантюристы, предлагающие свои услуги. При описании их автор использует литературный прием парадокса. Это «мерзавец» «американского» облика и поведения, «сотрудник» «издания ГПУ» Альфред Бронский; «необычайной толщины» «владелец механической ноги», «капитан дальнего плавания и сотрудник газеты “Вестник промышленности” при совете народных комиссаров» Степанов; корреспондент немецкой газеты «Berliner Tageblatt», обратившийся к профессору по прямому телефонному проводу на немецком языке; «дегенерат» и «полномочный шеф торговых отделов иностранных представительств при Республике советов» Пеленжковский; саботажник Птаха-Поросюк, заведующий куриным совхозом на западе России бывший командарм РККА А. С. Рокк – в нелепом наряде начала эпохи диктатуры пролетариата и военного коммунизма, застывший в ее безумных «перманентных» идеях и нравах. Многие их появления, как и сами действия, представлены в комедийном, «странном кинематографическом свете» [Яблоков 1997: 41–45].

Следует сказать и о жанре повести, к которому привыкли относить «Роковые яйца». Определил жанр, прежде всего, подзаголовок, заключенный в скобки. Не исключено, что автор таким нестандартным образом попытался заострить внимание на его условности.

Условность – один из художественных принципов, введенных модернистами серебряного века, и не только в прозе. Относительно различия повести и романа условность «(повести)» М. Булгакова выражала, вероятно, авторскую неудовлетворенность писательскими возможностями отразить все стороны жизни страны в эпоху революционных реформ, потенцию расширить аллегорически конспиративное пространство текста до масштабов крупного эпического полотна, показать случившееся не как закономерность перехода от капитализма к социализму (представление, навязываемое новой властью), а как историческое недоразумение, досадную и глупую случайность, роковое

обстоятельство, которым незамедлительно воспользовалась кучка агрессивных политических сектантов во главе с их пламенными вождями.

Надо заметить, что духовный «соблазн» России, болезненную предрасположенность ее к сектантству еще ранее, пусть и в религиозном плане, пророчески показал А. Белый в романе «Серебряный голубь» (1909), назвав его в подзаголовке «повестью в семи главах». В годы после Первой русской революции к проблеме духовного сектантства обратился М. Горький, замыслив роман-эпопею «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)» и обозначив произведение как «повесть». В связи с этим логично говорить, что эпический жанр романа, как и жанровая форма романа-фельетона, в «Роковых яйцах» подверглись модернизации.

К сомнению относительно жанра классической повести ведет и следующая за подзаголовком глава I «*Curriculum vitae* профессора Персикова», название которой можно перевести двояко. При переводе с латинского фраза «*curriculum vitae*» обозначает «ход жизни», «жизнеописание», при переводе с английского – «резюме». В англоязычных странах *curriculum vitae* применяется при приеме на работу представителей академической сферы. В таком резюме поступающий должен подробно описать свой научный опыт, интересы и самые важные исследовательские труды. Глава I, по содержанию имеющая характер резюме, в сущности, предваряет дальнейшее описание работы ученого в рамках деловой отчетности: открытие, презентацию, сферу применения. Личная и семейная жизнь упомянуты вскользь, и они всячески отвергаются: как здесь, так и на протяжении всего повествования. Ввиду неблагонадежности политических взглядов и импульсивности поведения отсутствует участие изобретателя по внедрению своего изобретения в производство, что и приводит к катастрофе.

Кроме того, вся история о профессоре подвергается насмешке. Уже в названии первой главы используется прием каламбура: русскую транслитерацию «*curriculum vitae*» можно прочитать как «куриное жизнеописание». Итогом такой жизни становится участие в создании и функционировании организации по истреблению куриной чумы с пародийным названием «Доброкур», «срифмованный образ» [Голубков 2009: 70], экспрессивно усиленный стилистическим приемом гомеозоптона – подбора слов в тексте с одним и тем же корнем «кур». Это еще один пример использования М. Булгаковым модернистского «принципа лейтмотивности». Следовательно, история профессора Персикова представляет из себя не традиционное жизнеописание, а спародированный случай из жизни изобретателя. По жанру она принадлежит к рассказу-фельетону. Возможно, в создании такого рассказа-фельетона принимала участие народная среда: слухи и анекдоты о Ленине в первое десятилетие после Октября. Однако влияние фольклора на создание «Роковых яиц» (ввиду устности передачи информации и опасности записи, удаленности по времени) не установлено. Впрочем, харак-

терный для фольклора прием повтора (и одновременно «новый принцип организации повествования», где «сюжетность уступает место лейтмотивности, принципу “рифмовки” образов» [Там же]) наглядно выражен в истории о краском Рокке. Процедура собеседования с Персиковым по поводу переквалификации под давлением «казенной бумаги из Кремля» (глава VII) переходит в жизнеописание-резюме с перечнем достижений перед началом работы (глава VIII). В целом история о Рокке – также рассыпанный на озорные куски-фрагменты рассказ-фельетон. Посвящен он главкому РККА С. С. Каменеву [Колчанов 2018].

Есть в «Роковых яйцах» и рассказы-фельетоны с другими прототипами: история об агентах Полайтисе и Щукине (командующем Западным фронтом М. Н. Тухачевском и командующем Юго-Западным фронтом А. И. Егорове) [Колчанов 2018], о Москве, о провинции, о следователях с Лубянки, шпионах и репортерах.

Таковы важнейшие элементы поэтики, говорящие о принадлежности «Роковых яиц» к роману-фельетону. На отсутствие работ по своеобразию поэтики модернизированного в 1920 – первой половине 1930-х гг. романа-фельетона следует обратить внимание историкам и теоретикам литературы.

Вторую жанровую форму, мистерию-буфф, выделить сложнее, требуется еще и мифопоэтический подход. Но именно эта театральная форма как мистерия усиливает фабулу необычным способом (через обряд перехода – инициацию в смерть), а как буфф (работа клоунов парами или группой) позволяет окарикатурить прототипы, взглянуть на них как на лица, входящие в буффонную пару Персиков / Иванов либо буффонное трио (Персиков / Иванов / Гринмут).

В свое время буффонную струю повествования в романе-фельетоне выделил один из активных участников литературного процесса 1920-х годов и собрат М. Булгакова по перу в «Красной Панораме» Б. А. Лавренев. Отвечая на замечания критиков, «критический сумбур, которым было встречено первое издание романа» [Лавренев 1928: 6] «Крушение республики Итль» (опубликован Б. Лавревым в журнале «Звезда», № 3–6 за 1925 г.), заметивших в нем «политическую проблематику» и «фельетонный характер» [Лавренев 1981: 673], писатель в заметке ко второму изданию («Вместо предисловия») указал на одну его особенность:

«Итль» роман, стоящий вне традиций русского романа. <...> Все дело в том, что «Итль» не сатира, а буффонада. Цель сатиры бить по существующим устоям. Орудие сатиры не только насмешка, но и гнев.

«Итль» повествует о мертвецах. Некоторых мертвецов можно поминать только иронической насмешкой. Буффонада не бьет, буффонада смеется беззлбно и беспечно. В этом весь смысл романа» [Лавренев 1928: 5].

И как бы в подтверждение утрированно-комической манеры изображения позже, в письме к библиографу Г. Ф. Сукованченко в декабре 1939 года, Б. Лавренев указал на фольклорный источник, ко-

торым пользовался:

«Материал этой вещи сложился из ряда анекдотов гражданской войны, относящихся территориально к Архангельску, Одессе, Кавказу, Дальнему Востоку и Крыму, то есть ко всем тем местам, где ступали копыта интервентов. Объединив эти анекдоты, я перенес действие в вымышленную страну, которая равно может считаться и Крымом, и Кавказом, и ДВР» [Лавренев 1981: 673].

Безусловно, бывшему белогвардейцу М. Булгакову, да еще с такой прямолинейностью, о фольклорных источниках «Роковых яиц» не стоило было говорить даже самому близкому окружению. Более того, он завуалировал анекдотизм происходящего в произведении эстрадно-театральной жанровой формой мистерии-буфф. О границах, разделяющих театральные жанры мистику и буфф, мы уже писали ранее, анализируя произведение М. Булгакова [Колчанов 2016]. Для более полного понимания процесса жанрообразования «(повести)» требуется рассмотреть эти жанры комплексно, как взаимодействующие составные части пьесы.

Герои повести Персиков и Иванов участвуют в мистерии, или ритуально-космической драме, с ее «сакральными пространствами ада и рая» [Сисикин 1989: 139], актом искупительной жертвы, встречи души с «демонами, или, по-нашему, ангелами экстаза» [Флоренский 1999: 167], эпифанией (богоявлением); но представлены они как пара шутов, профанирующие священное.

Первое знакомство читателя с Ивановым происходит в главе II и совпадает с пародией на ритуал христианского распятия: на штативе распинается лягушка. Иванов здесь – не приметный, но настоящий инициатор шутовского, эстрадно-театрального действия – мистерии-буфф, вызывающий серию чудес: возникновение красного луча, неожиданный переход героев на язык жрецов, шутовское переодевание. Персиков выступает в роли иницилируемого:

«– Владимир Ипатьич, я установил брыжейку, не хотите ли взглянуть?»

Персиков живо сполз с табурета, бросил кремальеру на полдороге и, медленно вертя в руках папиросу, прошел в кабинет ассистента. Там, на стеклянном столе, полузадушенная и обмершая от страха и боли лягушка была распята на пробковом штативе... <...>

При этом оба ученые перебрасывались оживленными, но непонятными простым смертным словами... <...>

– Какая чудовищная случайность, что он меня отозвал, – сказал ученый, – иначе я его так бы и не заметил. <...>

Профессор с презрением ткнул левую калошу, которая раздражала его, не желая налезать на правую, и пошел к выходу в одной калоше» (49–52).

Если присутствует распятие (в христианстве кульминация «мистерии Страстей»), инициированное Ивановым, то в такой драме должны существовать метаморфозы, последующие после смерти жертвы: преображение, воскрешение, спуск в ад с предстоящими там мытарствами и встречей с хозяином подземного мира. Это второй этап мисте-

рии – катабасис, и повествуется о нем на игровом, буффонном языке. В главе III тело лягушки преобразуется, приобретая чудовищные размеры, и злой шут как бы заигрывает со своим напарником перед публикой: *«– ...да вы гляньте, – Иванов за ножку поднял со стеклянного стола невероятных размеров мертвую лягушку с распухшим брюхом»* (56). В главе VII, в которой Персиков *«сделал доклад о своем луче и о действии его на яйцеклетку»*, огромная лягушка Иванова оказывается воскресшей: *«На эстраде, рядом с кафедрой, сидела на стеклянном столе, тяжело дыша и серея, на блюде влажная лягушка величиною с кошку»* (80).

Место доклада Персикова и нахождения воскресшей лягушки Иванова в мистериальном плане соответствует «инферно». М. Булгаков, играя маркерами, погружает сознание героя в область хтонической тьмы: смерти, демонов и «Египетской книги мертвых». Организации «Цекубу на Пречистенке» и «Гекубу» (имеющие общую часть слова), «черные смокинги цекубистов и белые платья женщин», приславших профессору «семь любовных» «записок», отсылают к европейским демонам инкубам и суккубам. «Пречистенка» (называвшаяся до середины XVII века Чертольской, в честь располагавшегося здесь когда-то языческого капища и оврага Чертороя, затем Пречистенской, Покровской, Кропоткинской, вновь Пречистенской) – к бывшим моргу-«божедомке», чумному кладбищу и приписанному народной молве месту обитания нечистой силы [Попов 2010: 176–177], «Колонный зал» – к Колонному залу Дома Союзов на углу Охотного ряда и Б. Дмитровки.

Колонный зал в истории страны мог превращаться на время и в морг: в феврале 1921 г. там впервые для прощания выставили тело анархиста-революционера П. А. Кропоткина, а в январе 1924 г. проводы повторили с телом Ленина, открыв длинную серию прощаний с телами выдающихся государственных деятелей. Применяя маркирование («Цекубу на Пречистенке» и «Гекубу»), писатель намекал: при выходе из тела душу Ленина «восхищают» [Флоренский 1999: 167] многочисленные «ангелы экстаза».

Указание на Ленина просматривается в самой известной привычке этого исторического лица: закладывании пальца правой руки за ухо, когда он внимательно слушал что-нибудь интересное [Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине 1989–1991, т. 3: 209, 328; т. 5: 164; т. 7: 58]. Поза, видимо, была столь распространенная, что присутствующие в момент кончины вождя, по воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, сразу обратили внимание на проявившийся «сереньким пятнышком» «маленький кровоподтек на правом ухе» [Там же, т. 8: 309]. Возможно, чтобы скрыть явную отсылку к портрету и поведению вождя, писатель маркировал привычку путем применения приема парадокса – сбившимся за левое ухо галстуком: *«Персиков кланялся раздраженно, руки у него были потные, мокрые, и черный галстук сидел не под подбородком, а за левым ухом»* (80).

О том, что «ангелы экстаза» имеют дохристианское, древнеегипетское происхождение, говорят

чудовища, вылупившиеся из трех камер Иванова: бесконечные змеи, крокодилы и страусы. Они встречали душу грешника, чтобы той быть проглоченной, растерзанной или растоптанной в «Египетской книге мертвых». Если же неопит доходил до судилища, то устаивался лицемерия подземного бога мертвых Осириса, – как и жрец, участвующий в инициации. Намеки на жреческое посвящение, на явление бога полуночи в «сияющем блеске» [Апулей 1991: 342] Осириса и злой рок, правящий бал в языческих мистериях, содержатся, как нам представляется, в той же главе VII:

«Перед ним в дыхании и в тумане были сотни желтых лиц и мужских белых грудей, и вдруг желтая кобура пистолета мелькнула и пропала где-то за белой колонной. Персиков ее смутно заметил и забыл. Но, уезжая после доклада, спускаясь по малиновому ковру лестницы, он вдруг почувствовал себя нехорошо. На миг заслонило черным яркую люстру в вестибюле, и Персикову стало смутно, тошнливо... Ему почудилась гарь, показалось, что кровь течет у него липко и жарко по шее... (разбивка моя – В. К.)» (80).

Осирисом здесь буффонно выступает «заслоненная черным яркая люстра», посвящаемым – Персиков, роковым атрибутом – «желтая кобура пистолета». Последняя при знакомстве окажется человеком Роком с опущенной в фамилии буквой «к».

Еще одно шутовское посвящение в мир «Египетской книги мертвых» проводит Иванов с Персиковым в главе X. Неожиданное сообщение жреца о глобальном катаклизме на земле (бурное появление Иванова с газетой), ужас с последующим за ним стрессом у неопита (сумасшествие Персикова), бог Птах, хозяин загробного мира до культа Осириса (Птаха, перепутавший яйца), гигантский змей Апепа (анаконда, «снятая» с «летательной машины»), вызывающий в небе катастрофу и первым встречающий египтянина в царстве мертвых (апоплексический «удар» у Персикова), – эти аллюзии содержатся в тексте главы (107–109).

Заключение

Таким образом, новые найденные и проанализированные художественные детали в произведении М. Булгакова «Роковые яйца» еще раз доказывают существование прототипа Ленина, заклю-

ченного в образе профессора Персикова, на что литературоведы обращали внимание не раз. За маской его ассистента, приват-доцента Иванова, скрыт второй политический лидер эпохи революции и Гражданской войны – Л. Д. Троцкий. В. А. Грингмут, прототип второго помощника Персикова Гринмута, внесен в текст в качестве члена буффонного трио и исключительно для живучести народного мифа о злодеях, тормозящих движение страны по пути прогресса и процветания. В 1925 г., когда сочинение впервые печаталось, любой намек на крупного здравствующего политика как продолжателя дела российских вредителей мог закончиться для писателя трагически. В связи с этим образ Троцкого кодировался тщательнее. Механизм шифровки строился на приемах аллюзии и аллюзии, парадокса, модернистском «принципе организации повествования», «лейтмотивности, художественном принципе «рифмовки» образов». Жанровые формы романа-фельетона и мистерии-буфф способствовали мистификации. Свойства романа-фельетона использовать собирательность героев и переводить серьезное и трагическое в массовое и комическое усиливали протезизм, многоликость персонажей. Инициационный комплекс драмы мистерии и эстрадно-цирковое, массовое шоу буфф прятали истинные лица российской истории. В результате писатель создал едкую политическую сатиру на самых влиятельных современников. Руководители «молодой Советской республики», один из которых недавно умер, а другой начал терять власть, были скрыто окаррикатурены и изображены в виде злых шутов, главных участников развернувшейся в стране чудовищной буффонады.

В дальнейшем какое-либо указание на Троцкого в произведении у М. Булгакова или критиков отпало: произведение после 1925 г. при жизни писателя в стране не переиздавалось, «раздуватель» «мирового пожара» и лидер оппозиции в 1929 г. был выслан из СССР. В 1930-е гг. нивелировались сатирические жанровые формы, использованные автором. Быстрые темпы индустриализации потребовали фельетона газетного, короткого и злободневного. Инвективы эстрадно-театральной пьесы мистерии-буфф уступили место зрелищности и зубоскальству кино- и театральной комедии с элементами мюзикла.

Источники

Булгаков, М. А. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2 / М. А. Булгаков. – Москва : Художественная литература, 1989. – 751 с.

Литература

Александрова, А. В. Идентификация профессора Персикова в повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» / А. В. Александрова // Знание. Понимание. Умение. – 2022. – № 4. – С. 224–231. – DOI: 10.17805/zpu.2022.4.20. – EDN KMLKGJ.

Анненков, Ю. Лев Троцкий / Ю. Анненков // Дневник моих встреч: цикл трагедий : в 2 кн. Кн. 2. – Москва : Художественная литература, 1991. – С. 285–311.

Апулей. Метаморфозы / Апулей // Петроний Арбитр. Апулей. – Москва : Правда, 1991. – С. 153–347.

Волгогонов, Д. А. Троцкий. «Демон революции» / Д. А. Волгогонов. – Москва : Яуза-Пресс, 2017. – 704 с.

Бонч-Бруевич, В. Д. Воспоминания о Ленине / В. Д. Бонч-Бруевич. – Изд. 2-е, доп. – Москва : Наука, 1969. – 518 с.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / редкол.: М. П. Мчедлов [и др.]. – Москва : Политиздат, 1989–1991.

Голубков, М. М. Как «наткнуть палец» на модернизм? Эстетика модернизма в русской литературе первой половины XX века / М. М. Голубков // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности : материалы Междунар. конгресса литературоведов. К 125-летию Е. И. Замятина. 5–8 окт. 2009 г. – Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2009. – С. 68–73.

Гусляров, Е. Н. Ленин в жизни. Систематический свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков / Е. Н. Гусляров. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС ; Звездный мир, 2004. – 640 с.

Колчанов, В. В. Между мистерией и буфф: повесть М. А. Булгакова «Роковые яйца» в свете театральных модернистских жанров первой трети XX в / В. В. Колчанов // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – 2016. – № 2 (6). – С. 53–65. – EDN WGBIWF.

Колчанов, В. В. «Александр Семенович Рокк»: главком РККА С. С. Каменев и его окружение в повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» / В. В. Колчанов // Нефилология. – 2018. – Т. 4, № 15. – С. 39–53. – DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-15-39-53. – EDN MACDKN.

Колчанов, В. В. «Александр Семенович Рокк»: главком РККА С. С. Каменев и его окружение в повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» / В. В. Колчанов // Нефилология. – 2018. – Т. 4, № 16. – С. 65–72. – DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-16-65-72. – EDN YQHYST.

Крайзель, Ф. Предисловие к публикации / Ф. Крайзель // Павлов И. М. 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. – Санкт-Петербург : Петербург – XXI век, 2001. – С. 6–10.

Л. Д. Троцкий: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. А. В. Резника. – Санкт-Петербург : РХГА, 2016. – 864 с.

Лавренев, Б. А. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4 / Б. А. Лавренев. – Москва : Художественная литература, 1981. – 678 с.

Лавренев, Б. Крушение республики Итль. Роман / Б. Лавренев. – 2-е изд. – Москва ; Ленинград : Госиздат, 1928. – 268 с.

Ленин в Москве и Подмосковье: места пребывания, даты и события. – Изд. 3-е, доп. – Москва : Московский рабочий, 1980. – 520 с.

Новоселов, В. М. Выводы дневника истории болезни В. И. Ленина / В. М. Новоселов // Вопросы истории медицины России : сборник. – Торонто : Longevity Books, 2024. – С. 73–82. – EDN YUJYTO.

Пахсарьян, Н. Т. О литературной и социокультурной роли французского романа-фельетона XIX века / Н. Т. Пахсарьян // XV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : материалы. Т. 2 / гл. ред. протоиерей Вл. Воробьев. – Москва : Издательство ПСТГУ, 2005. – С. 252–256.

Попов, А. Все тайны Москвы / А. Попов. – Москва [и др.] : АСТ [и др.], 2010. – 250 с. – EDN QKIYAB.

Пчелов, Е. В. М. А. Булгаков и наука 1920-х гг. / Е. В. Пчелов // Материалы Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН : материалы Международной конференции, Москва, 28 марта – 01 2022 года. – Москва : Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, 2022. – С. 176–182. – EDN IWUSLD.

Сисикин, В. Дионисов мастер / В. Сисикин // Подъем. – 1989. – № 3. – С. 135–143.

Соколов, Б. В. Образ В. И. Ленина в произведениях М. А. Булгакова / Б. В. Соколов // Мир русскоговорящих стран. – 2023. – № 3 (17). – С. 61–82. – DOI: 10.20323/2658_7866_2023_3_17_61. – EDN SWMTYD.

Соколов, Б. В. Роковые яйца / Б. В. Соколов // Соколов Б. В. Булгаков. Энциклопедия. – Москва : Эксмо, 2005. – С. 606–618.

Флоренский, о. Павел. «Человек умирает только раз в жизни...» / О. Павел Флоренский // Тибетская книга мертвых. – Санкт-Петербург : Амфора, 1999. – С. 166–167.

Яблоков, Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова / Е. А. Яблоков. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1997. – 200 с. – EDN SGGLSF.

References

Aleksandrova, A. V. (2022). Identifikatsiya professora Persikova v povesti M. A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» = Identification of Professor Persikov in M. A. Bulgakov's novel "Fatal Eggs". *Knowledge. Understanding. Skill*, 4, 224–231. DOI: 10.17805/zpu.2022.4.20. EDN KMLKGJ.

Annenkov, Yu. (1991). Lev Trotskiy = Leon Trotsky. *Diary of my meetings: A cycle of tragedies: in 2 books. Book 2*, 285–311. Moscow: Fiction Publishing House.

Apuleius. (1991). *Metamorfozy = Metamorphoses. Petronius Arbiter. Apuleius*, 153–347. Moscow: Pravda Publishing House.

Bonch-Bruevich, V. D. (1969). *Vospominaniya o Lenine = Memories of Lenin*. 2nd edition. Moscow: Science Publishing House, 518 p.

Florensky, P. (1999). «Chelovek umiraet tol'ko raz v zhizni...» = "A man dies only once in his life...". *Tibetan Book of the Dead*, 166–167. Saint Petersburg, Amfora.

Golubkov, M. M. (2009). Kak «natknut' palets» na modernizm? Estetika modernizma v russkoy literature pervoy poloviny XX veka = How to “point a finger” at modernism? The aesthetics of modernism in Russian literature of the first half of the 20th century. *Literary criticism at the present stage: Theory. History of literature. Creative individuals*, 68–73. Tambov: Publishing House of Tomsk State University named after G. R. Derzhavin.

Guslyarov, E. N. (2004). Lenin v zhizni. Sistematischeskiy svod vospominaniy sovremennikov, dokumentov epokhi, versiy istorikov = Lenin in life. A systematic collection of memoirs of contemporaries, documents of the era, versions of historians. Moscow: OLMA-PRESS; Star world Publishing House, 640 p.

Kolchanov, V. V. (2016). Mezhdumysteriy i buff: povest' M. A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» v svete teatral'nykh modernistskikh zhanrov pervoy treti XX v = Between mystery and buff: M. Bulgakov's Story “The Fatal Eggs” in light of theatrical modernist genres of the first third of the 20th century. *Tambov University Bulletin. Series: Philological Sciences and Cultural Studies*, 2(6), 53–65. EDN WGBIWF.

Kolchanov, V. V. (2018). «Aleksandr Semenovich Rokk»: glavkom RKKA S. S. Kamenev i ego okruzhenie v povesti M. A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» = Alexander Semenovich Rokk: Commander-in-Chief of the Red Army S. S. Kamenev and his entourage in the story by M. A. Bulgakov “Fatal Eggs”. *Neophilology*, 4(15), 39–53. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-15-39-53. EDN MACDKH.

Kolchanov, V. V. (2018). «Aleksandr Semenovich Rokk»: glavkom RKKA S. S. Kamenev i ego okruzhenie v povesti M. A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» = Alexander Semenovich Rokk: Commander-in-Chief of the Red Army S. S. Kamenev and his entourage in the story by M. A. Bulgakov “Fatal Eggs”. *Neophilology*, 4(16), 65–72. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-16-65-72. EDN YQHYST.

Kreisel, F. (2001). Predislovie k publikatsii = Preface to the publication. Pavlov I. M. 1920s: Revolution and Bureaucracy. *Notes of an Oppositionist*, 6–10. Saint Petersburg: Peterburg – XXI vek.

Lavrenev, B. (1928). Krushenie respubliki Itl'. Roman = The Fall of the Republic of Itl. Novel. 2nd edition. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 268 p.

Lavrenev, B. A. (1981). Sbranie sochineniy: v 6 t. T. 4 = Collected works: in 6 vols. Vol. 4. Moscow: Fiction Publishing House, 678 p.

Lenin v Moskve i Podmoskov'ye: mesta prebyvaniya, daty i sobytiya = Lenin in Moscow and Moscow region: places of stay, dates and events. (1980). 3rd edition. Moscow: Moscow worker Publishing House, 520 p.

Mchedlov, M. P. et al. (Eds.). (1989–1991). Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine: v 10 t. = Memories of Vladimir Ilyich Lenin: in 10 vols. Moscow: Politizdat Publishing House.

Novoselov, V. M. (2024). Vyvody dnevnika istorii bolezni V. I. Lenina = Conclusions from the diary of Lenin's medical history. *Questions of the history of medicine in Russia*, 73–82. Toronto: Longevity Books. EDN YUJYTO.

Pakhsaryan, N. T. (2005). O literaturnoy i sotsiokul'turnoy roli frantsuzskogo romana-fel'etona XIX veka = On the literary and socio-cultural role of the French feuilleton novel of the 19th century. *XV Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities* (vol. 2), 252–256. Moscow: PSTGU Publishing House.

Pchelov, E. V. (2022). M. A. Bulgakov i nauka 1920-kh gg. = M. A. Bulgakov and science of the 1920s. *Proceedings of the International Conference of the Russian National Committee on the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, dedicated to the 90th anniversary of the S. I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences*, 176–182. Moscow: S. I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences. EDN IWUSLD.

Popov, A. (2010). Vse tayny Moskvy = All the secrets of Moscow. Moscow: AST Publishing House, 250 p. EDN QKIYAB.

Reznik, A. V. (Comp.). (2016). L. D. Trotskiy: pro et contra, antologiya = L. D. Trotsky: Pro et contra, anthology. Saint Petersburg: RKHGA Publishing House, 864 p.

Sisikin, V. (1989). Dionisov master = Master of Dionysus. *Climb*, 3, 135–143.

Sokolov, B. V. (2005). Rokovye yaytsa = Fatal Eggs. *Sokolov B. V. Bulgakov. Encyclopedia*, 606–618. Moscow: Eksmo.

Sokolov, B. V. (2023). Obraz V. I. Lenina v proizvedeniyakh M. A. Bulgakova = The image of V. I. Lenin in the works of M. A. Bulgakov. *World of Russian-speaking countries*, 3(17), 61–82. DOI: 10.20323/2658_7866_2023_3_17_61. EDN SWMTYD.

Volkogonov, D. A. (2017). Trotskiy. «Demon revolyutsii» = Trotsky. “The Demon of Revolution”. Moscow: Yauza-Press, 704 p.

Yablokov, E. A. (1997). Motivy prozy Mikhaila Bulgakova = Motifs in Mikhail Bulgakov's prose. Moscow: Russian State University for the Humanities, 200 p. EDN SGGLSF.

Данные об авторе

Колчанов Владимир Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия).

Адрес: 392036, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.

E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru.

Author's information

Kolchanov Vladimir Viktorovich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia).

Дата поступления: 19.01.2025; дата публикации: 31.10.2025

Date of receipt: 19.01.2025; date of publication: 31.10.2025